

УДК 314.15:323(470+571)

ББК 60.74+66.3(2Рос)

DOI 10.22394/1682-2358-2018-1-47-55

K.S. Mokin, *Doctor of Sciences (Sociology), Professor of the Public Administration Department (Graduate School of Public Administration), Balakovo Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration*

Yu.P. Martsev, *Candidate of Sciences (Engineering), Deputy Head of a Department, Volsk Military Institute of Financial Security*

PUBLIC PERCEPTION OF MIGRATION AND MIGRANTS IN THE SARATOV REGION UNDER THE INFLUENCE OF GEOPOLITICAL FACTORS

Based on the ethnological expertise conducted in the region, the main trends in the structure of public perceptions of migration under the influence of geopolitical factors are considered. The changes in the structure of migration flows, the role of geopolitical conflicts in their transformation are recorded. The mutual change in the value-motivational attitudes and behaviors of migrants and the local population (the diffusion of cultures) is analyzed.

Key words and word-combinations: migration, integration, ethnic minorities, interethnic relations, state, ethnic identity.

К.С. Мокин, *доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления (Высшая школа государственного управления) Балаковского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (email: mokin_konstantin@list.ru)*

Ю.П. Марцев, *кандидат технических наук, заместитель начальника кафедры Вольского военного института материального обеспечения (email: martsev65@mail.ru)*

ОБЩЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ МИГРАЦИИ И МИГРАНТОВ В САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ ПОД ВЛИЯНИЕМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ

Аннотация. На основе этнологической экспертизы рассмотрены основные тенденции в структуре общественного восприятия миграции под влиянием геополитических факторов. Фиксируется изменение структуры миграционных потоков. Анализируется взаимное изменение ценностно-мотивационных установок и паттернов поведения как со стороны мигрантов, так и местного населения (процесс диффузии культур).

Ключевые слова и словосочетания: миграция, интеграция, этнические меньшинства, межнациональные отношения, государство, этническая идентичность.

Демографическая характеристика современной России определена рядом существенных факторов, к которым можно

отнести естественную убыль населения большей части регионов России, возрастающую роль миграции, развитие городских агломераций, в которых проживает более 80% населения жителей страны. Результаты многолетних исследований показывают, что именно современные города, и в первую очередь мегаполисы, являются «точками притяжения» миграционных перемещений (это касается как межрегиональной, внутривосточной, так и внешней миграции). Города представляют собой перспективные рынки труда, более широкие стратегические возможности трудоустройства, реализации человеческого капитала. Реальный спрос на труд (как капитал) в городах на порядок выше, чем в сельских поселениях, где емкость рынка труда ограничена и стоимость работ на порядок ниже, чем в городе, поскольку здесь преобладает низкоквалифицированный труд. В Саратовской области подавляющее число мигрантов ориентированы на занятость и проживание в крупных городах региона (Саратов, Энгельс, Балаково, Балашов, Маркс), где осуществляются крупные инвестиционные и строительные проекты.

Отметим, что, несмотря на декларируемые органами власти позитивные достижения в области демографии, остаются серьезные проблемы воспроизводства экономически активного населения, особенно на региональном уровне. Отсутствие квалифицированной рабочей силы (экономически активного населения) не позволяет в полном объеме использовать экономический потенциал региона, что, в свою очередь, стимулирует привлечение трудовых мигрантов как из других регионов России, так и из стран бывшего СНГ.

В настоящее время, по данным Росстата по Саратовской области [1], естественная убыль жителей региона за полный 2016 г. (за счет разницы в уровне рождаемости и уровне смертности) составила 7,4 тыс. чел. (в 2015 — 6,7 тыс.). Родилось 27,3 тыс. чел. (годом ранее — 28,7 тыс.), умерло 34,7 тыс., в том числе 200 младенцев. Таким образом, коэффициент депопуляции остается значением более 1,57. При этом Саратовская область остается одним из основных пунктов международного транзитного миграционного трафика с достаточно низкой собственной миграционной привлекательностью.

Результаты многолетних исследований свидетельствуют о высоком объеме миграционного оттока из Саратовской области в другие регионы Российской Федерации. Миграционные устремления жителей региона достаточно четко выражены. Основным детерминирующим фактором выезда из региона является экономическая целесообразность переезда в другие регионы России. Так, 14% опрошенных заявили о своем желании уехать в другой регион на длительный срок или на постоянное проживание. Безусловным лидером в выборе территории будущего проживания выступает г. Москва и Московская область, на втором месте — г. С.-Петербург, и на третьем — южное направление (Краснодар, Ростов-на-Дону, Крым и т.д.). Главным аспектом миграционной активности (миграционной привлекательности) являются значительный уровень доходов в этих городах (территориях), условия и качество жизни [2].

Основными выталкивающими факторами для местного населения являются высокий риск потери работы, сокращение реального сектора экономики, где занята основная часть населения, снижение уровня заработной платы при

значительном росте стоимости услуг, товаров и цен на продовольственные и промышленные товары.

Внутрироссийская миграционная убыль региона частично скомпенсирована гражданами, прибывшими из стран СНГ на проживание Саратовскую область. Оттуда в область въехало 10 720 чел., покинуло регион 5 614. В «плюсе» регион приобрел 5 016 чел., планирующих связать свою жизнь в обозримой перспективе с Россией и Саратовской областью в частности. Больше всего в регионе задержалось граждан Украины (1783), Казахстана (949), Узбекистана (694), Таджикистана (532), Армении (486), Азербайджана (333), Молдавии (154), Киргизии (138) [2].

В 2017 г. произошло увеличение транзитных перемещений через регион с целью пересечения государственной границы. Увеличение потока связано с тем, что недавно был ужесточен контроль на границах с Украиной — в Белгородской и Брянской областях. Именно поэтому поток мигрантов, стремящихся продлить сроки пребывания на территории России, а значит повторным пресечением государственной границы, развернулся в сторону Саратовской области, так как контрольный пункт Озинки является для них наиболее удобным и близким. Те, кто за 90 суток законного нахождения на территории страны не успел оформить документы, чтобы продлить срок своего пребывания, делают такой вояж: доезжают до сотрудников погранслужб, регистрируются и возвращаются назад в Россию. Можно сделать промежуточный вывод, что в современных демографических условиях миграционные процессы в регионе (в том числе транзитные) в настоящее время и в обозримой перспективе — единственный способ восполнить стареющее экономически активное население [3].

При этом, по оценкам министерства экономики и министерства труда области, сезонная востребованность рабочих в сельском хозяйстве на порядок превосходит предложение. По официальным данным, услугами гастарбайтеров в сельском хозяйстве пользуются лишь около двадцати фермерских хозяйств. Привлекают в основном жителей Казахстана, Таджикистана, Узбекистана и Украины. Всего, по официальным оценкам, около 600 человек из-за рубежа трудятся в Саратовской области. Самое большое количество таких хозяйств находятся в Марксовском, Энгельском, Татищевском и Саратовском районах. В частности, министр труда и миграции области Н. Соколова уточнила, что из 750 вакансий овощеводов (фермерских хозяйств) оказались официально востребованы только 20 [4].

Реальная картина выглядит иначе. По косвенным оценкам, только в сельском хозяйстве ежемесячно в период май — сентябрь на полях работают 1,5—3 тысячи граждан зарубежных стран. Более 80% мигрантов, приезжающих на заработки в Саратовскую область, предпочитают трудоустройство в сфере строительства, в основном в крупных городах региона. Таким образом, реальное число иностранных граждан, занятых в экономической деятельности в регионе, значительно выше, чем официально декларируемые.

Структурные характеристики миграционных процессов таковы: убывают из региона: лица в возрасте 28—45 лет, имеющие средне-специальное или

высшее образование, практический опыт работы; в потоке выбывших доминируют мужчины (55–57%), женщины (45–43%), имеющие социальный багаж (социальный статус), знающие язык опыта коммуникации и переездов в другие города и достаточно адекватно оценивающих свои возможности на внутрироссийском рынке труда.

Прибывают в регион: лица в возрасте 32–48 лет, в основном мужчины (75–80%), практически не имеющие социального багажа, опыта коммуникации в российском обществе, значительная часть прибывших (более 70%) не владеют либо плохо владеют русским языком, имеют минимальный набор профессиональных навыков, образование неполное среднее или среднее (по российским стандартам). Данная группа оценивает свой труд по минимальным региональным расценкам, что позволяет им демпинговать по заработной плате.

Можно сделать вывод, что миграционные перемещения в / из регион(а) характеризуются неравномерным качеством экономически активного населения. «Вымываются» из региона квалифицированные рабочие кадры, ИТР, замещаются мигрантами, часто не имеющими даже средней квалификации и испытывающими трудности с социализацией в новом для них сообществе.

Не меньшую сложность представляют геополитические трансформации на постсоветском пространстве и странах, прилегающих к границам бывшего СССР, в частности, сложная ситуация на востоке Украины. Например, с начала конфликтных событий на юго-востоке Украины (Донецк, Луганск) в 2014 г. резко возросло число лиц, определяемых как беженцы (данное определение не является вполне корректным, поскольку официально на территории Украины нет вооруженного конфликта, а лишь проводятся антитеррористические операции). Значительная часть иммигрантов из Украины в дальнейшем переехала в другие регионы России либо вернулись на родину.

С началом конфликта в Украине Правительство Саратовской области в соответствии с указаниями Правительства РФ предприняло практически все возможные меры по оказанию помощи беженцам — предоставление жилья, оказание медицинской помощи, организация питания и т.д. В 2014 г. из средств областного бюджета на помощь беженцам было выделено 91,6 млн руб., в 2015 г. — более 130 млн руб. В 2015 г. были законодательно определены объемы помощи беженцам. По прибытии в регион беженцы (включая членов семьи, детей) получали 1,5 тыс. руб. «подъемных», на каждого выделялось по 800 руб. в сутки «на содержание» на каждого члена семьи (из них 250 руб. — на питание).

Специфичность ситуации заключается в том, что на начальном этапе жители региона оказывали посильную помощь беженцам — предоставляли жилье, еду, оказывали транспортную помощь. Однако с середины — конца 2015 г. в регионе начали распространяться негативные мнения об «украинских мигрантах»: «они не хотят работать», «они пьют и ничего не делают» и т.п. Де-факто жители региона столкнулись с избирательной политикой социальной поддержки. В частности, 800 руб. ежесуточных средств поддержки на одного человека (мигранта) часто превышал суточный доход местных жителей (в

среднем жители региона в день зарабатывают 450–550 руб.), что негативно сказалось на легитимации деятельности властей по поддержке мигрантов из Украины.

В 2016 г. поток беженцев из Донецкой и Луганской областей, по данным МВД, остановился. Большинство из них оформили российское гражданство, расселились у родственников или вернулись на Украину. В связи с этим правительство решило с 1 января 2017 г. закрыть пункты их временного размещения. Если в начале 2015 г. в России действовали 576 пунктов размещения, то к концу 2016 их почти не осталось. В Саратовской области продолжает действовать центр временного размещения мигрантов и лиц без гражданства (г. Энгельс). В настоящее время в нем находятся более 500 человек (в основном из стран Центральной и Юго-Восточной Азии), в том числе 20 беженцев из Сирии. Граждане (беженцы) с Украины в центре не размещаются.

Одним из наиболее сложных вопросов остается проблематика взаимоотношений между мигрантами и местным населением региона. Результаты проведенных в 2016–2017 гг. социологических исследований показывают, что значительная часть населения (78%) имеет опыт личных контактов с мигрантами — выходцами из других стран [5; 6]. При этом пятая часть опрошенных (20%) положительно оценивают роль мигрантов в жизни региона (его социально-экономическом развитии), более четверти (26%) считают, что мигранты оказывают влияние на развитие территории, но в незначительной мере. Почти треть (31%) из числа имеющих опыт межличностных контактов с мигрантами отметили, что поведение последних полностью или в целом соответствует общепринятым нормам социального поведения жителей региона. Примерно столько же (32%) дали нейтрально-отрицательную оценку поведению мигрантов, и 31% отметили их поведение как не соответствующее общепринятым нормам.

Адаптация и интеграция мигрантов (инокультурных) протекает в весьма сложных отношениях с принимающим (местным) населением. Несмотря на доминирующий в регионе дискурс, где мигранты представлены едва ли не угрозой существующему социальному, культурному и экономическому укладу жизнедеятельности местного населения, респонденты отмечают нейтрально-сдержанное отношение к мигрантам.

В обыденном понимании жителей региона «видимый» мигрант — это в первую очередь фенотипически отличный человек, говорящий на другом языке, с поведением, отличающимся от общепринятых канонов и социальных норм. Гражданство (наличие паспорта, знание языка) часто не является ключевым маркером «своего». Азербайджанец, приехавший в страну в период распада СССР и проживший в городе более 25 лет, имеющий высшее образование, но фенотипично отличающийся от общей массы, — все равно «мигрант». Казахи, к облику которых все привыкли в приграничном районе, чаще считается «своим».

Характерной чертой, навязанной в основном медийным дискурсом, является представленность мигрантов в криминогенной сфере. На наш взгляд, ответы респондентов о распространенности «этнической преступности» яв-

ляются проекцией отдельных фактов, изложенных в прессе и ТВ (чаще всего федерального и регионального уровней). Более значима роль и «сарафанного радио» (слухов, сплетен, соседских интерпретаций) в обобщенном представлении о «неких» миграционных сообществах, чем реальное соотнесение личного опыта общения с мигрантами и фактическое участие «знакомых мигрантов» в криминале.

Тем не менее, несмотря на существующий в публичном дискурсе негатив в отношении мигрантов, более половины опрошенных отдают себе отчет в необходимости привлечения новых рабочих рук и, соответственно, положительно-нейтрально относятся к возможности трудоустройства мигрантов в регионе. Чаще всего мигранты воспринимаются местным населением как лица, имеющие низкую профессиональную подготовку, но с достаточно высоким уровнем трудолюбия и высокой степенью готовности к поиску работы (новых мест работы) и к дальнейшим миграционным перемещениям ради более высокого заработка (прейти на новое место, переехать в другой населенный пункт, другой город, другую область).

На основании исследований можно сделать вывод, что восприятие мигрантов в целом как «воображаемого сообщества» строится чаще всего на существующем дискурсе, артикулируемом федеральными, региональными и местными СМИ. Так, на вопрос, отнимают ли приезжие из других государств рабочие места у местных жителей, почти четверть респондентов (22%) убежденно разделяют эту точку зрения. Однако 40% отметили, что сами «местные» не хотят занимать эти рабочие места (как правило, малооплачиваемые и малопрестижные), и еще почти треть респондентов согласилось и с первым, и вторым доводом (табл. 1).

Таблица 1

Как вам кажется, приезжие из других государств отнимают работу у местных жителей? (% от числа опрошенных)*

1	Приезжие отнимают работу у местных жителей	22,0
2	Местные жители сами не хотят занимать некоторые рабочие места	39,7
3	И то, и другое	29,7
4	Другой ответ	1,7
5	Затрудняюсь ответить	7,0

Как следствие, респонденты видят мигрантов в самых «нижних» отраслях (сферах) городской и региональной экономики: уборка и другие услуги ЖКХ (40%), строительство и дорожные работы (36%), сельское хозяйство (27%), работа по найму у граждан (13%). Тем не менее почти четверть опрошенных (24%) твердо заявили, что ни в каких профессиях мигранты не нужны. Последняя группа представлена в основном старшим поколением

* Опрос в рамках проекта «Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт» (грант РНФ №15-18-00099). Опрошены 650 чел. Выборка квотная, репрезентативна по возрасту, полу, территории проживания.

жителей региона, и обладающая «устойчивыми» стереотипами восприятия мигрантов (табл. 2).

Таблица 2

В каких профессиях следует использовать труд иностранных мигрантов в вашем регионе? (% от числа опрошенных, несколько вариантов ответа)

1	Уборка и другие жилищно-коммунальные услуги	38,7
2	Использовать в строительстве, дорожных работах	36,0
3	Охрана парковок, магазинов	9,3
4	Торговля	11,3
5	Общественный транспорт	4,0
6	Заводы, фабрики	11,3
7	Сельское хозяйство	27,3
8	Кафе, рестораны, гостиницы	5,7
9	Медицина, социальные услуги	4,0
10	Работа по найму у граждан (на приусадебных участках, няни в семьях и др.)	13,0
11	Ваш вариант	3,3
12	Ни в каких профессиях мигранты не нужны	23,7
13	Затрудняюсь ответить	4,7

В общем объеме 72% респондентов высказались о потенциальной необходимости использования труда мигрантов в регионе. Восприятие мигрантов как низкокачественной, дешевой и безропотной рабочей силе, сформированное существующим дискурсом, проявляется в разного рода полукриминальных практиках найма, жестких условиях работы, невыплате заработной платы.

Интеграция мигрантов в социально-культурное, общественно-политическое поле локального сообщества всегда связана с определенными трудностями как для самих мигрантов, так и для принимающего населения. В этом отношении одним из инструментов инклюзии является и привлечение мигрантов к участию в общественной жизни сообщества (квартала, района города, села), и информирование мигрантов о правилах поведения, практиках использования общественного транспорта, отношений между людьми (повседневным этикетом). Более 35% респондентов считают, что оптимальным способом интеграции в жизнь сообщества было бы активное участие в общественной / публичной жизни, еще столько же считают, что можно совместить и участие в жизни сообщества, и представить мигрантам информационные материалы (листовки, буклеты и т.п.). Часто респонденты отмечали необходимость создания специализированных центров по поддержке в адаптации мигрантов как на базе учебных заведений, так и на базе НКО.

Одним из ключевых «камней преткновения» в процессе взаимодействия «мигрант — местный житель» является требование к знанию русского языка. Отмечая значимость русского языка как маркера отношений между инокультурными мигрантами и местным населением, отметим следующее. Более трети (36%) респондентов считают, что необходимо обучать инокультурных трудовых мигрантов русскому языку, не артикулируя условия и возможности обучения. Почти такая же часть опрошенных (30%) согласилась с этим, но при условии, что все затраты на обучение будут нести сами мигранты. Почти 20% респондентов заявили, что обучать языку можно лишь при условии, что мигранты ориентированы на постоянное проживание в России.

В настоящее время Саратовская область, несмотря на эпизодические конфликты и стычки между местным населением и мигрантами, является достаточно устойчивой к проявлению радикальных форм мигрантофобии. Население региона в целом демонстрирует достаточно высокий потенциал позитивного взаимодействия.

Таким образом, опираясь на полученные результаты серии исследований, можно сделать ряд выводов.

Во-первых, в отношении мигрантов, прибывших на территорию Саратовской области, доминирует позитивно-нейтральная оценка.

Во-вторых, основной причиной фобий и страхов в отношении мигрантов остается «бытовой культурный диссонанс», определяемый как несоответствие культурных норм и повседневных практик поведения, особенно в публичных местах и местах «социального напряжения» (рынки, базары и т.д.).

В-третьих, характерной чертой, формирования кросскультурного взаимодействия является доминирующий антимиграционный медийный дискурс.

В-четвертых, причиной устойчивости фобий являются проекции отдельных фактов, изложенных в прессе и ТВ (чаще всего федерального и регионального уровней, редко местного), а также мнение «сарафанного радио» (слухи, сплетни, «соседские интерпретации») на обобщенное представление о «неких» миграционных сообществах, Миграционные сообщества в общественном восприятии при проведении опроса представлялись респондентами как некая абстрактная общность, «воображаемое сообщество».

В-пятых, наблюдается ряд практик, которые в целом можно назвать «выдавливание», «создание невидимости «иных», требований подчиненности и диктата доминирующих в сообществе норм и паттернов поведения. Мигранты, как правило, маркируются как люди «второго сорта», «выходцы из стран третьего» мира, не имеющие прав, обязанные выполнять лишь функциональные задачи. В противовес этому мигранты формируют практики солидаризации, требования признания равенности с местным населением, требования учета собственных культурных особенностей и притязаний, а также прилагают все усилия по институционализации «реальных» практик защиты себя и своих семей от культурного, социального, экономического и политического давления (принудительного) со стороны доминирующего местного населения.

В-шестых, анализ результатов исследований убедительно показывает, что в доминирующем дискурсе мигранты воспринимаются как своего рода необхо-

димый, но пока еще побочный трудовой ресурс. Предложенная респондентам модель создания системы центров поддержки и обучения мигрантов показывает, что, несмотря на свою востребованность, в определенной части она будет способствовать не столько интеграции, сколько сепарации.

В-седьмых, появление мигрантов в малооплачиваемых, невостребованных местным населением сегментах рынка труда не вызывает негатива, поскольку укладывается в сформированную дискурсом модель социальных отношений «местное население — мигрант». Данная модель отношений не предусматривает прямой конкуренции мигрантов и местного населения за высокооплачиваемые места и не несет (со стороны мигрантов) угрозы социальному, экономическому, культурному и политическому статусу большинства. Данная модель строится из стремления большинства сделать мигрантов «невидимыми» в публичной сфере и отчасти направлена исключительно на прагматическое использование дешевой рабочей силы, без предоставления мигрантам равных с большинством прав, свобод и возможностей.

В-восьмых, в условиях сохраняющейся динамики миграционных процессов, и роста этнокультурного разнообразия, появления новых форм (ре)презентации этнокультурных меньшинств, появления этнически окрашенных сегментов рынка (торговля, малый бизнес, автосервис и т.д.) приемлемым вариантом видится использование имеющихся наиболее эффективных инструментов этнокультурной политики (например, региональных и местных СМИ), которые позволили бы расширить интеграционный потенциал местных жителей, за счет расширения представлений плюсов культурного, этнического и лингвистического разнообразия.

Библиографический список

1. Данные Росстата по Саратовской области. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/trud/migrac/mtm_2016.pdf
2. Мокин К.С., Барышная Н.А. Общественное восприятие миграции в контексте социальных отношений: миграция – ресурс или угроза? // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2017. № 3 (16). С. 3–10.
3. Молчанова Е.В., Кручек М.М., Кибисова З.С. Построение рейтинговых оценок субъектов Российской Федерации по блокам социально-экономических показателей // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2014. № 3 (33). С. 196–208.
4. Кравцева Т., Соколова Н. Саратовская область не может обойтись без овощеводов-гастарбайтеров. URL: <https://fn-volga.ru/news/view/id/74591>
5. Барышная Н.А. Механизмы совершенствования региональной миграционной и этнокультурной политики (на примере Саратовской области) // Вестник Поволжского института управления. 2014. № 2 (41), С. 9–15.
6. Социальные факторы этнической нетерпимости (итоги междисциплинарного исследования) / под ред. В.В. Степанова, В.А. Тишкова. М., 2014.